

Поиск стабильности в карабахском конфликте

Между конвенциональным «устрашением»
и политическим сдерживанием

Сергей Минасян

Политическая наука напоминает постоянное возвращение к изобретению велосипеда. Зачастую для понимания актуальных проблем современности применяются теоретические концепции и подходы из другого исторического периода и другой политической реальности. Не исключение и карабахский конфликт, на который с определенной степенью допущения вполне могут быть спроецированы теории, выработанные еще в эпоху bipolarного противостояния двух ядерных сверхдержав для сохранения стратегической стабильности и глобального мира. Данная статья — попытка применить инструментарий военно-стратегических концепций к локальному этнополитическому конфликту с активным вовлечением влиятельных внешних акторов.

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ПАРАМЕТРЫ НЕ/УНИКАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Две последние встречи президентов Армении и Азербайджана, прошедшие 24 июня 2011 г. в Казани и 23 января 2012 г. в Сочи при посредничестве Дмитрия Медведева, не принесли никаких результатов. Несмотря на активную подготовительную работу посредников из Минской группы ОБСЕ, в Казани Баку отверг предложения российского президента по принятию Основных принципов урегулирования, а в Сочи три президента приняли лишь достаточно формальное заявление. Стороны сказали о готовности ускорить принятие этих самых Принципов и рассмотрение механизма снижения напряженности на линии соприкосновения, а также налаживания гуманитарных и общественных контактов. Казанская и сочинская встречи в очередной раз наглядно показала, что

Сергей Минасян — кандидат исторических наук, руководитель департамента политических исследований Института Кавказа.

достижение компромиссного урегулирования пока крайне затруднительно. Стороны демонстрируют диаметрально противоположные подходы. Тот максимум уступок, на которые гипотетически способна любая из конфликтующих сторон, абсолютно не удовлетворяет минимальных ожиданий политических элит и/или общественности противостоящей стороны.

Внешние факторы также не работают. Предлагаемые международными посредниками в составе Минской группы ОБСЕ Мадридские принципы по урегулированию карабахского конфликта не устраивают ни армянскую, ни азербайджанскую стороны. И та и другая считают, что в случае их принятия пойдут на неоправданные уступки, которые общественность не воспримет. Хотя надо признать, что интересам Армении Мадридские принципы соответствуют несколько больше, чем Азербайджану, т.к. подразумевают фактическую международную легитимацию независимого статуса Нагорного Карабаха вместе с сухопутным коридором, соединяющим его с Арменией. Однако из переговорного формата исключена главная конфликтующая сторона – непризнанная Нагорно-Карабахская Республика, с которой Баку отказывается общаться, переводя переговоры в двусторонний формат лишь с участием Армении и Азербайджана, что также не способствует успеху переговорного процесса.

Международное сообщество, конечно, не в восторге от отсутствия прогресса, однако сам факт проведения переговоров – явление положительное, поскольку оправдывает многолетнюю деятельность Минской группы и содействует сохранению хрупкого перемирия. За эти два сложных десятилетия у посредников практически утвердилось мнение, что в условиях неготовности конфликтующих сторон к взаимным компромиссам любое искусственное ускорение под прямым давлением внешних факторов не способно трансформировать или тем более окончательно урегулировать конфликт. Подстегивание решения извне лишь изменит формат противостояния и существующий баланс сил (скорее всего сделав ситуацию еще более неустойчивой и взрывоопасной), а не приведет к окончательному урегулированию.

Более того, на этом фоне согласование любого объема «второстепенных» деталей по ликвидации последствий конфликта (территории, гарантии безопасности, гуманитарные вопросы) не будет иметь практического смысла без договоренностей касательно основной проблемы и причины конфликта – будущего статуса Нагорного Карабаха. Или, иными словами, без четкого ответа на главный вопрос, кому же он принадлежит: Азербайджану, Армении или же самим карабахцам? Ведь в условиях практически нулевого уровня доверия никаких точек соприкосновения по этому вопросу нет, да и не предвидится.

Ситуация напоминает другие этнополитические очаги, тем более что по множеству параметров карабахский конфликт не является чем-то исключительным. Возникает справедливый вопрос, а как же с вовлеченностью мирового сообщества? Ведь удалось же в свое время погасить (удовлетворив хотя бы одну из конфликтующих сторон) балканские конфликты либо стабилизировать ситуацию в Южном Судане или Восточном Тиморе.

Однако особенность карабахского конфликта в том и состоит, что международное сообщество и ведущие страны-посредники в последний раз предпринимали попытку «всерьез» разрешить конфликт 10 лет назад – в 2001 г. в Ки-Уэсте. При этом качественное различие между результатами встречи в американском Ки-Уэсте и многосерийными инициативами российского президента Медведева, последняя из которых была обозначена в Сочи, практически отсутствует. Может быть, потому, что в глазах внешних акторов конфликт не кажется настолько серьезным и опасным, как аналогичные мировые конфликты? Ведь Карабах, в отличие от Балкан, не находится в центре европейского континента, а по сравнению, например, с Южным Суданом, к счастью, не стал очагом столь серьезной гуманитарной катастрофы.

Как бы то ни было, ресурсы и готовность поддерживать перемирие в Карабахе у международного сообщества есть, а желания что-то кардинально менять, и тем более силой принуждать стороны к урегулированию – нет и в скором будущем не ожидается. Во всяком случае, за все последнее десятилетие, кроме периодических громких заявлений лидеров стран-сопредседателей и стандартных резолюций, принимаемых на различных международных площадках, вспомнить нечего. По всей видимости, мировое сообщество не хочет вовлекаться в кажущееся малоперспективным и требующее приложения серьезного политического капитала урегулирование, вынуждено смириться и поддерживать существующий статус-кво. В конце концов, если уж приводить примеры эффективности международного вовлечения в разрешение аналогичных затянувшихся этнополитических конфликтов, то скорее припоминаются различные сюжеты из бесконечного арабо-израильского урегулирования, а не относительно более удачный «косовский прецедент».

СТАТУС-КВО И СТАБИЛЬНОСТЬ:

ДВА СИНОНИМА ОДНОЙ НЕИЗБЕЖНОСТИ?

Статус-кво является одним из ключевых и наиболее используемых терминов, применяемых экспертами и политическими деятелями при оценке

ситуации вокруг карабахского конфликта. Более чем естественно, что статус-кво оценивается ими исключительно в соответствии с их политическими пристрастиями. Однако главная характеристика статус-кво вне зависимости от его политизированных оценок в том, что в обозримой перспективе он попросту неизбежен и безальтернативен. Поскольку лишь отражает сложный внешний и внутренний военный, политический, экономический и иного рода баланс сил. Ничего лучшего ни международное сообщество, ни сами конфликтующие стороны с их неготовностью к взаимным уступкам (и неспособностью существенно изменить баланс сил) предложить не могут.

Таким образом, складывается впечатление, что вне зависимости от желания внешних акторов нынешняя ситуация вокруг карабахского конфликта их устраивает. О жизнестойкости статус-кво также свидетельствуют два десятилетия его сохранения, что немаловажно. В значительной степени он приемлем и для Еревана и Степанакерта, хотя бы в силу того, что сам Нагорный Карабах (и еще кое-что в придачу) давно находятся под армянским контролем. Лишь Азербайджан, проигравший в войне 1990-х гг. и желающий вернуть Карабах любыми способами, далек от того, чтобы смириться с сохраняющейся уже второе десятилетие политической реальностью, и стремится изменить ее.

Для этого у Баку сейчас есть лишь одна возможность — угрожать возобновлением боевых действий, разгоняя милитаризацию и региональную гонку вооружений, публично демонстрировать постоянное повышение военного бюджета, основываясь на доходах, получаемых от продажи энергоресурсов, инициировать перманентные перестрелки на линии фронта. Хотя многие эксперты утверждают, что военная риторика Азербайджана — лишь масштабный блеф, призванный заставить армянские стороны пойти на односторонние уступки, другие всерьез не исключают возобновления войны в Карабахе. Азербайджанские лидеры при всякой возможности напоминают о миллиардных цифрах военных расходов, о масштабных закупках новых вооружений и военной техники, угрожая чуть ли не на следующий день возобновить боевые действия. Однако Баку не может реализовать угрозы уже почти десятилетие. Это говорит или о сохраняющемся военно-техническом балансе, или о наличии серьезных внешнеполитических ограничений. Скорее всего, и того и другого: сложная комбинация военных и политических факторов не позволяет президенту Ильхаму Алиеву решиться на новую вооруженную акцию.

При невозможности достижения компромисса в среднесрочной перспективе и перманентной опасности новой эскалации важнейшей зада-

чей карабахского урегулирования становится сохранение стабильности вокруг спорной территории. Тем самым понятия статус-кво и сохранение стабильности становятся синонимами и характеристиками перспектив дальнейшего развития событий вокруг карабахского конфликта.

Стратегическая стабильность была ключевой целью лидеров США и СССР все полвека жесткого противостояния двух ядерных сверхдержав, фактически предотвратившей самоубийственную войну между ними. Сверхдержавы практиковали *политику взаимного сдерживания* в двух ее взаимодополняющих формах – политического сдерживания и военного «устрашения». И тут следует вернуться к тому, с чего начиналась эта статья, коснувшись некоторых теорий периода холодной войны.

ТЕОРИЯ СДЕРЖИВАНИЯ И ОПЫТ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Согласно военно-стратегическим теориям того времени, подтвержденным многолетним опытом сохранения международной и региональной безопасности, под «сдерживанием» понимается предотвращение нежелательных военно-политических действий одной стороны в отношении другой (обычно уступающей количественно по своему силовому потенциалу) с помощью угрозы причинения ей неприемлемого ущерба. Сдерживание предусматривает совокупность военных, политических, экономических, дипломатических, психологических и иных мер, направленных на убеждение потенциального агрессора в невозможности достижения им целей военными методами. В мировой политологической литературе это понятие передается с помощью двух слов – *containment* и *deterrence*, которые имеют различный политический и военно-стратегический смысл. В СССР при использовании механизмов сдерживания в военно-стратегическом планировании в силу ряда специфических особенностей эта разница не была столь четко выражена в научной сфере, создав некоторую путаницу в русскоязычной терминологии.

Термин *deterrence* (который правильнее переводить как «устрашение»), получивший распространение с начала 1960-х гг. и вошедший в практику стратегического планирования США при министре обороны Роберте Макнамаре, подразумевает сдерживание противника путем устрашения, неотвратимости возмездия и нанесения непоправимого ущерба. В период холодной войны и биполярного противостояния речь шла о сдерживающем потенциале ядерного оружия. В данном же случае имеется в виду сдерживание обычными (конвенциональными) вооружениями. В военно-теоретических трудах последнего времени такой вид

сдерживания принято называть «неядерным» или «конвенциональным». Как отмечают военные эксперты, неядерное сдерживание стало возможным и эффективным лишь недавно. Наряду с повышением точности и поражающей мощи обычных вооружений технологическое развитие многих государств достигло такого уровня, когда разрушение отдельных элементов инфраструктуры, коммуникаций, систем управления может привести к катастрофическим последствиям, способным отбросить государство в его развитии назад на многие годы.

В свою очередь, термин *containment* (авторство которого приписывается классику американской политической науки и дипломатии Джорджу Кеннану) использовался для обозначения политико-экономических средств противодействия противнику в реализации его внешней политики, как, например, сдерживание Советского Союза и предотвращение распространения коммунистической идеологии. Применительно к тематике нашей работы данное понятие предполагает совокупность мер политического и дипломатического характера, направленных на сохранение стабильности и недопущение возобновления боевых действий в зоне карабахского конфликта с вовлечением третьих стран и великих держав. Именно оценка сдерживающей позиции внешних акторов позволяет причислять их к системе политического сдерживания.

Любые исторические или теоретические аналогии условны, так что не следует искать зеркального совпадения с карабахским конфликтом. Важно лишь концептуальное сходство, способствующее лучшему пониманию современных региональных процессов, используя «большой» опыт сохранения стабильности.

КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ И ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Как и при планировании американскими и советскими стратегами ядерного сдерживания, основными целями сдерживания конвенционального являются не столько вооруженные силы и военные объекты противника, сколько инфраструктурные и промышленные предприятия, а также военно-политическое руководство. Ведь сдерживание или «устрашение» – категория в первую очередь политическая, а не военно-техническая. Смыслом «устрашения» путем «сдерживания» является недопущение реализации противником политического акта (в полном соответствии с хрестоматийным определением Клаузевица) – начала военных действий.

По результатам боевых действий 1990-х гг. карабахские войска вышли на удобные географические границы с господствующими высота-

ми, которые намного легче оборонять (особенно после того, как они были оснащены эшелонированной линией фортификационных укреплений), поэтому у армянских сторон нет никаких рациональных причин первыми начинать вооруженные действия. Так как угрозы их возобновления раздаются исключительно со стороны официального Баку, политика устрашения – метод армянских сторон, стремящихся путем повышения «цены войны» сдержать начало новых боевых действий в Карабахе. Очевидно, что в случае с Азербайджаном приоритетными целями армянского сдерживания являются в первую очередь объекты промышленной добычи и переработки энергоресурсов, пути их транспортировки и сопутствующая инфраструктура.

При анализе военного потенциала сторон карабахского конфликта следует соответственно рассматривать в первую очередь те виды вооружений и военной техники (ВВТ), которые могут иметь практическое значение в качестве силовых «инструментов» сдерживания. То есть тех, что способны наносить эффективные удары по чувствительным объектам в глубине территории противника (уничтожение которых или нанесение им серьезного урона может оказаться критическим и удержать от развязывания боевых действий). С учетом слабости военно-воздушных сил конфликтующих сторон и относительной эффективности их ПВО «дистанционным оружием сдерживания» в первую очередь являются тактические и оперативно-тактические ракетные комплексы, а также крупнокалиберные реактивные системы залпового огня (РСЗО).

Несмотря на имеющийся арсенал дальнобойных ракет, Азербайджан более уязвим с военно-технической точки зрения ввиду возможности ответного удара по ключевым энергетическим и промышленным объектам. Армянские силы способны нанести существенный урон промышленным, инфраструктурным и коммуникационным объектам в глубине территории Азербайджана, что в долгосрочной перспективе негативно скажется на его экономическом и политическом развитии. На вооружении армянской армии находятся крупнокалиберные РСЗО *ИМ-80* (восемь пусковых установок 273-мм РСЗО *ИМ-80* китайского производства с максимальной дальностью стрельбы, в зависимости от типа ракеты, от 80 до 120 км были закуплены в конце 1990-х и в начале 2000-х гг.; впоследствии в СМИ появлялась информация о закупках модернизированных ракет с увеличенной дальностью стрельбы), а также оперативно-тактические ракетные комплексы 9К72 «Эльбрус», или *Scud-B* по натовской классификации. (В том числе восемь пусковых установок 9П117М и как минимум 32 ракеты Р-17, переданных Армении из состава 176-й ракетной бригады 7-й гвардейской

армии в рамках раздела советского военного имущества в середине 1990-х гг.; ракеты Р-17 имеют дальность стрельбы до 300 км при круговом вероятном отклонении при стрельбе на большую дальность до 0,6 км.) С военно-политической точки зрения возможности ответного удара Азербайджана по целям в глубине армянской территории ограничены, поскольку вероятно вовлечение России и ОДКБ в обеспечение безопасности Армении (об этом подробнее ниже).

Весной 2011 г. появилась информация о том, что на вооружение армянской армии поступили новые крупнокалиберные 300-мм РСЗО «Смерч». Это существенно повышает потенциал сдерживания Армении, т.к. долгое время основным аргументом Азербайджана в угрозах возобновить военные действия являлось наличие у него именно данного типа РСЗО (в 2004–2005 гг. Баку закупил на Украине 12 ПУ РСЗО 9А52 «Смерч» с дальностью стрельбы, в зависимости от типа ракеты, от 70 до 90 км), а также отчасти тактических ракет «Точка-У» с дальностью стрельбы до 120 км. Наличие данных систем, как надеялись в Баку, позволяло бы вести «дистанционные» боевые действия, не штурмуя эшелонированную линию фортификаций карабахских войск и не неся при этом тяжелых потерь. Однако с появлением на вооружении армянских войск РСЗО «Смерч» и возможностью в перспективе приобретения Ереваном новых ракетных систем дальнего радиуса действия у Азербайджана уже не будет подобного преимущества. (Например, в конце августа 2011 г. появилась информация о закупке Арменией в Молдавии 11 пусковых установок 220-мм РСЗО 9К57 «Ураган», а в ходе военного парада по случаю 20-летия независимости Армении 21 сентября 2011 г. продемонстрировано не менее четырех пусковых установок тактических ракетных комплексов 9К79-1 «Точка-У».)

Поэтому теперь перед азербайджанским военно-политическим руководством встает серьезный выбор. Баку может начать полномасштабные боевые действия, что приведет к активному использованию всеми конфликтующими сторонами тяжелой артиллерии, РСЗО, тактических и оперативно-тактических ракет. Но это однозначно повлечет за собой огромные людские и материальные потери, уничтожит всю энергетическую и коммуникационную инфраструктуру Азербайджана без каких-либо гарантий на быструю победу или блицкриг. Особенно с учетом того, что боевые действия будут исчисляться днями и даже не неделями: мировое сообщество большего просто не допустит.

Другой опцией для Азербайджана может стать отказ от использования крупнокалиберных РСЗО и тактических ракет в надежде, что и армянские стороны поступят аналогичным образом в случае возобновления боевых

действий, что представляется более чем маловероятным. Но даже если допустить подобную возможность, Азербайджану придется ограничиться лишь лобовыми прорывами фортификационных линий, укрепляемых уже второе десятилетие с использованием господствующих высот, которые находятся преимущественно под контролем карабахских войск. Но в таком случае сами фортификационные линии, лобовой прорыв которых в стиле Сталинградской битвы возможен лишь ценой тяжелых потерь для азербайджанской армии (исчисляемых даже не тысячами, а десятками тысяч солдатских жизней), уже выступают не менее действенными и эффективными факторами сдерживания. Тут надо учитывать и то немаловажное обстоятельство, что конвенциональное сдерживание включает в себя не только нанесение неприемлемого ущерба вероятному противнику. Военно-стратегической науке известно «сдерживание путем лишения», т.е. эффект сдерживания, срабатывающий вследствие осознания вероятным инициатором начала войны невозможности достижения скорой и убедительной победы.

Очевидно, что Азербайджану с военной точки зрения очень трудно сделать выбор между этими двумя альтернативами. Цена войны будет слишком высокой, а ее перспективы неопределенными. Поэтому, как представляется, у военно-политического руководства остается лишь одна возможность, которую оно и пытается благоразумно использовать — нагнетать региональную гонку вооружений, надеясь экономически и политически истощить Армению и Нагорный Карабах.

Однако в отличие от Азербайджана Армения имеет возможность поддерживать паритетную асимметричную гонку вооружений за счет безвозмездных и льготных поставок оружия своим военно-политическим союзником — Россией, а также в силу предпочтений своего членства в ОДКБ. То, что Азербайджан покупает, Армения зачастую получает почти бесплатно, увеличивая свой военно-технический потенциал сдерживания.

Таким образом, асимметричная гонка вооружений в зоне карабахского конфликта повышает порог и снижает вероятность начала боевых действий. Это, конечно, не дает полной гарантии невозобновления войны, но создает серьезные ограничители. Пока одна из сторон военного конфликта не удовлетворена его итогами, перманентная опасность возобновления войны и попыток реванша будут сохраняться. Но стабильность в зоне карабахского конфликта обеспечивает уже новый создающийся баланс — его можно назвать «балансом угроз» (по терминологии Стивена Уолта), — который вынуждает как можно дольше сохранять хрупкий и нестабильный мир.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СДЕРЖИВАНИЕ И ВНЕШНИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ВОЙНЫ

Уже отмечалось, что вовлеченности или же давления мирового сообщества недостаточно для достижения серьезного соглашения. Вместе с тем, невысокая вероятность «внешнего урегулирования» сохраняется лишь в нынешней ситуации относительного перемирия. В случае возобновления боевых действий в зоне конфликта вполне возможно, что, сочтя ситуацию опасной для региональной безопасности или способной вызвать тяжелые гуманитарные последствия, международное сообщество отреагирует в форме «классического» принуждения к миру, несмотря на все технические и институциональные ограничения. Напрашивается аналогия с действиями международных коалиционных сил под эгидой США в 1991 г. в Кувейте или стран НАТО в 1999 г. в Косово, а также с односторонним вовлечением России в боевые действия в Южной Осетии в августе 2008 г. и т.д.

Как бы то ни было, внешняя вовлеченность продолжает эффективно содействовать сохранению перемирия и недопущению возобновления боевых действий. Причем в самых различных комбинациях: от внешнего консенсуса о неприемлемости новой войны до ограничений, которые накладывают возможное политическое или военное вовлечение третьих стран. Естественно, что важнейшим элементом политического сдерживания является бескомпромиссная позиция международного сообщества, отвергающего саму возможность возобновления боевых действий. Нынешний переговорный формат Минской группы является более чем нетипичным примером тесного сотрудничества между державами, которые при этом одновременно находятся в состоянии фактического соперничества во многих регионах мира, и в особенности на постсоветском пространстве. Но при этом страны-сопредседатели (США, Франция, Россия) придерживаются как минимум единой позиции в вопросе недопущения новой войны в Карабахе. Следовательно, страна, которая ее инициирует, столкнется с резкой консолидированной реакцией ведущих мировых держав и весьма серьезными последствиями.

Другим элементом сохранения стабильности и политического сдерживания является возможность прямого вовлечения внешних акторов в случае возобновления конфликта. В настоящее время Армения – единственная страна на Южном Кавказе, которая имеет гарантии безопасности и предоставления прямой военной помощи от третьей страны (России) и военно-политического блока (ОДКБ). Хотя между Турцией и Азербайджаном также имеется договор о военной помощи, заключен-

ный в августе 2010 г., его положения более чем расплывчаты и не содержат обязательств прямого вовлечения Анкары в боевые действия в случае начала Баку военных действий в Карабахе.

В августе 2010 г. в ходе государственного визита президента Дмитрия Медведева в Армению наряду с другими документами был подписан дополнительный Протокол № 5 к Договору 1995 г. о порядке функционирования российской военной базы в Армении. Согласно этому документу, расширилась географическая сфера ответственности 102-й РВБ, включающая уже всю территорию Армении (а не только периметр бывших границ СССР с Турцией и Ираном, как в прежней редакции), а также увеличилась длительность ее нахождения (вместо прежних 25 лет – на 49 лет). (Отчет ведется с 1997 г., т.е. после ратификации и вступления в силу Договора 1995 года. Тем самым срок нахождения российских войск на территории Армении продлевается до 2046 года.) Кроме того, в соответствии с протоколом, Россия взяла на себя обязательство обеспечивать вооруженные силы Армении современным и совместимым вооружением и военной техникой.

В Ереване подписание этого документа интерпретируют как гарантию безопасности и военной помощи со стороны России в случае войны с Азербайджаном. Формально двусторонние и многосторонние (в рамках ОДКБ) обязательства Москвы в сфере безопасности и взаимной обороны распространяются только на международно признанные границы Республики Армения, но не на территорию Нагорного Карабаха. Вместе с тем вполне вероятно, что в силу чрезвычайной милитаризации региона и радикальности позиций конфликтующих сторон боевые действия не ограничатся территорией Нагорного Карабаха и могут перекинуться по периметру протяженной границы между Арменией и Азербайджаном.

Очевидно, что Россия не хочет вовлечения в боевые действия вокруг Нагорного Карабаха, ведь в случае «разморозки» конфликта Москва окажется в трудном положении. Прямая военная помощь Армении со стороны России немедленно приведет к разрыву отношений с Азербайджаном, в том числе и в энергетической сфере. С другой стороны, невыполнение двусторонних и многосторонних обязательств по оказанию военной помощи Армении лишит Россию репутации надежного партнера, может дискредитировать ОДКБ как военно-политическую организацию, повлечь за собой вывод российской военной базы из Армении и потерю единственного военно-политического союзника на Южном Кавказе. Если Москва не окажет военного содействия, это поставит под

угрозу дальнейшее армяно-российское стратегическое сотрудничество, лишив Ереван каких-либо стимулов к сохранению базы. Потеряв Армению, Москва утратит политическое влияние и рычаги воздействия на Азербайджан и на весь Южный Кавказ.

Поэтому неудивительно, что в ходе встречи с журналистами в мае 2011 г. тогдашний начальник главного оперативного управления российского Генштаба генерал-лейтенант Андрей Третьяк заявил, что в случае начала военных действий в Нагорном Карабахе Россия в полной мере выполнит свои обязательства перед Арменией в сфере взаимной обороны. В любом случае Россия более чем какой-то иной внешний актор заинтересована в поддержании военного баланса и невозобновлении боевых действий, тем самым сохраняя свое военно-политическое влияние в регионе, одновременно оказывая содействие Армении, замораживая карабахский конфликт и привязывая к себе Азербайджан.

При этом не надо забывать, что, несмотря на достаточно тесные армяно-российские отношения, Азербайджан (в отличие от той же Грузии, например) никогда не рассматривался как прозападное государство, которое заслуживает однозначной политической и иной поддержки США и европейских стран. Наоборот, Баку постоянно находится под огнем критики со стороны западных организаций и правительств в связи с ситуацией в сфере защиты прав человека и проблемами с демократическим развитием. В совокупности с фактором влиятельных лоббистских организаций армянской диаспоры в Америке и Европе это помогает официальному Еревану эффективно балансировать между военной опорой на Россию и ОДКБ, с одной стороны, и углублением сотрудничества в сфере безопасности и обороны с США и странами НАТО — с другой. Тем самым повышается уровень политического сдерживания в вопросе недопущения новой войны в Карабахе.

* * *

Фактически теория сдерживания эффективно реализуется в карабахском конфликте уже в течение почти двух десятилетий. Несмотря на угрозы возобновления войны, на сохраняющейся с мая 1994 г. линии соприкосновения сторон происходят лишь эпизодические обстрелы снайперов и рейды разведывательно-диверсионных групп с применением максимум крупнокалиберного стрелкового оружия и гранатометов. К счастью, пока обходится без обмена артиллерийскими ударами или действий крупных подразделений карабахских или азербайджанских войск. Вместе с тем, как и любая военно-стратегическая концеп-

ция, сдерживание не является механизмом окончательного урегулирования этнополитических конфликтов. Полноценное урегулирование возможно лишь на основе компромиссного подхода, пользующегося поддержкой всех конфликтующих сторон, а не под взаимными угрозами войны или под страхом ответного удара.

Главной и единственной целью конвенционального сдерживания, применяемого армянскими сторонами, и политического сдерживания, осуществляемого благодаря позициям международного сообщества и влиятельных внешних акторов, является сохранение стабильности и хрупкого мира в зоне карабахского конфликта. По всей видимости, нынешняя ситуация продлится еще достаточно долго. Однако то, что кажется невозможным сейчас, способно стать реальностью в среднесрочной перспективе, при соблюдении двух важнейших условий: 1) невозобновления боевых действий и 2) сохранения нынешнего переговорного формата, активной поддержке и давлении мирового сообщества. Это единственный путь для достижения долговременного компромисса, который будет возможен после деактуализации конфликта в общественных настроениях и при более благоприятных внешних условиях.